

84 (2 Рос-Рус)

612x

№ 50

Тая Немова

ЗОНА



Эскизы
в черно-белых
тонах

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

21.08.15/20

17.01.23 1

З ТМО Т. 3600000 З. 851—87

84/200 = Рус/6 Сех
7150

Тая Немова

ЗОНА



Эскизы
в черно-белых
тонах

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Смирныховской районной
библиотеки

Южно-Сахалинск
Сахалинское книжное издательство
2004

Смирныховская
централизованная
библиотечная система

50519-2.V P/K

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
Н 50

Свою новую книгу стихотворений «Зона» автор посвящает острову Сахалину и своим землякам. Через призму сложных человеческих отношений поэт пытается увидеть и осмыслить те духовные связи, которые не разобцают, а соединяют людей.

ISBN 5-88453-059-5
05Д(03)-2004

© Т. Немова, стихи, рисунки, 2004
© Сахалинское книжное издательство, 2004

1. Каморга

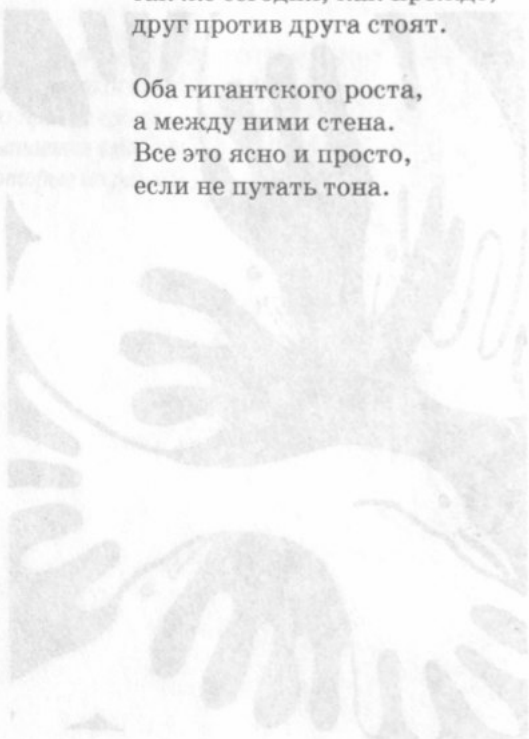


Пролог

(Черное и белое)

Черное в черной одежде,
белое – белый наряд,
так же сегодня, как прежде,
друг против друга стоят.

Оба гигантского роста,
а между ними стена.
Все это ясно и просто,
если не путать тона.



ISBN 5-88424-050-5
0621027-200-1

Пожар

Я на горьком стою пепелище,
слезы жгут сквозь угарную вонь;
только стол, где стихов моих тыща,
да будильник оставил огонь...

А и смеюсь
жирная доль — олуварья
тебя на пути бережет,
но если замешаешь
в гавань не смеется — одождо

Узнаешь и камни в дороге,
улыбка в солнце, и пни,
Ведь ее прямо, дорога,
помятай, спаси, сохрани.

Материнское напутствие

Сойди с обжитого порога,
пойми завыванье ветров,
но только руками не трогай
стальные концы проводов.

Пора тебе быть – не казаться,
иди, ты готова уже,
но только не смей прикасаться
ни к черной, ни к мертвой душе.

Пусть знак золотой – одуванчик
тебя на пути сбережет,
но если заметишь незрячих,
в глаза не смотри – обожжет.

Узнаешь и камни отрога,
увидишь и солнце, и пни.
Веди ее прямо, дорога,
помилуй, спаси, сохрани.

Не смей

Не смей закаты рисовать,
не смей смотреть на звезды,
не смей вопросы задавать,
не смей гулять так поздно,

не смей брать в руки крыс и змей,
не смей твердить «сумею»!
И тут не смей,
и там не смей...
А я смеюсь

и смею!
принадлежать
полуденной жары
кружевная,
люди ворота раз открывает нам с тобой,
распахнуть по старой
вод луной в
скажет нам хозяин
райская стена
трогать, заклинаю вас: нельзя!

У людей любопытства
всех тебе. Задобор
и с тех пор заморожен
ничем
потерянный раб!

набок
возвращать
Зв
всем

Наш российский удел —
зоны с вышками в сером тумане,
каждый третий сидел,
каждый пятый дежурил в охране.

Бесконечность зимы
и тюрьмы бесконечные двери,
лагеря Колымы
и разреженный воздух безверья,
сахалинский острог
и колючий мороз Магадана,
не за жизнь, а за страх
бьется юное сердце братана,

не за дар — за обман
у барышника взятка и ссуда,
все темнее туман,
все светлее предатель — Иуда,

правят бал стукачи,
раб не верует в силу свободы,
жертвы и палачи —
из одной каторжанской породы

на костях, на крови
возводили Антихриста эру.
За убийство любви
всем положена Высшая мера.

Эдем

переливчаты
листья в саду,
переменчивы блики
и тени, я в тот сад
осторожно войду,
сяду, руки сложу
на коленях.
Не покой,
а зеленый
закат —
сад.
при
полуденной жаре
кружевная, было пусто в январе, но
июль ворота рая открывает нам с тобой,
распахнув по старой схеме, приглашая
под луной в гости клету, и в Эдеме
скажет нам хозяин строго: вот вам
райская стезя, только яблоки не
трогать, заклинаю вас: нельзя!
У людей любопытство превыше
всех табу. Заглянули за край,
и с тех пор заморожено
ищем наш Эдем — наш
потерянный рай!

Убийство

Зверь из прайда потрепанных львов

и змеюга с отравленным жалом, —

мы унизили нашу любовь:

ты душил, я ей крылья держала.

А она так прекрасна была,

так вела себя нежно и пылко,

удивляла и радость несла,

как цветок, что возрос на опилках.

О пощаде молила в слезах,

но в ответ — только сумраки боли,

только ненависть в белых глазах,

только пепел на выжженном поле.

Два маньяка, сосущие кровь,

две пиявки среди гнили и пыли, —

мы измучили нашу любовь,

надругались над ней — и убили.

В этот раз нам ее не спасти.

Ты нас, Господи Боже, прости!

Каторга

В трюмах российского катера –
звон кандалов и плетей.

Век сахалинскою каторгой
в избах пугали детей.

Были кровавые жатвы
нехристей, сдернувших крест.

Прах душегуба и жертвы
бродит туманом окрест.

Звали разбойников катями.
слушали с пулей в стволе.

Мы ж добровольцами каторги
ходим по этой земле.

Черные вороны каркают:
– Каторга! Головы с плеч!
Каторга! Каторга! Каторга!
Кара! Карающий меч!

Вышки, туманы, заборы
и тополя, тополя...
Каторги скрежет зубовный
наша впитала земля.

* * *

*Не верь, не бойся, не проси
(Каторжанский закон)*

Раздает суровый перст
щедро: кому плетка,
кому плаха, кому крест,
а кому – решетка.

Если плаха – то молись,
если срок безмерный,
то не бойся – убоись,
и не верь, но веруй.

Если крест – тогда неси,
если плеть взовьется, –
веруй, бойся и проси,
верою – дается.

Шанс

Он попал после драки в больницу,
где законы – терпи и страдай,
и от ужаса начал молиться:
– Дай здоровья мне, Господи, дай!

Чуда ждал он, но, кашляя кровью,
знать не знал, да и знать не хотел,
для чего ему нужно здоровье,
для каких свершений и дел?

Умножать ли гнилую породу?
Проклинать ли, роптать на судьбу,
воровать по чужим огородам
и тащить на здоровом горбу,

зло завидовать дальним и ближним,
жизни мстить за обиды сполна
и терять человечье обличье
день за днем у бутылки вина?

Он молился: – Дай, Господи, силы! –
Он рубашку порвал на груди...
И Бог дал, коль его попросили:
– Ты здоров. Поднимайся. Иди...

Два дерева

Возле берега у терема,
ветки вскинув в синеву,
на ветру полощет дерево
изумрудную листву.

Возле терема у берега,
там, где дерево шумит,
шелестит другое дерево,
гниль за ветками таит.

Выйдет девица из терема,
а над кручами ветра,
и найдет опору — дерево,
вроде крепкая кора,

вроде бурями проверена...
Ей в грозу решать самой:
то ль удержится за дерево,
то ли — в омут с головой!

Теперь его крыла,
застилая свет,
на плечо легла,
и спасенья дала.

У него доспех
блещет золотом,
у него успех
в слове «Злом воздам».

Туман

Из тьмы подкрадывался молча
и загораживал обзор,
холодные седые клочья
им выдавались за узор

таинственной и зыбкой дымки,
на мир наброшенной слегка,
и с неживой полуулыбкой
под кочкой пряталась тоска,

сырой травой руки касалась,
бросалась под ноги у троп,
болото озером казалось
и твердью притворялась топь.

А тени, вставшие из праха,
клубились в сумерках кустов,
как обморок ночного страха
среди березовых крестов.

Но солнце золоченой горстью
на землю бросило рассвет.
Туман рассеялся. Все просто:
дорога к дому, влажный след.

Юра

Пальцы в полукруг,
затаенный взгляд.

У меня был друг,
он писал про ад,

про угар свечи,
про обман весны.

Словно к снам ключи,
мы искали с ним

причины щемящей кручины,
в тиски зацепившей виски.

Как выплыть из черной пучины?

Как выжечь заразу тоски?

Мне и сват, и брат,
он гитару брал,
пел опять про ад
и себе не врал,

лил слова легко,
как из врат тюрьмы
черным сполохом
выплыл рыцарь тьмы.

Тень его крыла,
застилая свет,
на плечо легла,
и спасенья нет.

У него доспех
блещет золотом,
у него успех
в слове «Злом воздам».

50519-2

У него глаза
плавят платину,
другу он сказал:
— Все оплачено,

пришла долгожданная эра,
креня купола и кресты.
Теперь нам особая вера
к вершинам проложит мосты.

У меня был друг,
вот и песня вся:
пел про ад, и вдруг
он повесился.

Гитара

— Ты чья, струна?
— Гитарная.
— А ты, гитара?
— Песни.
— А песня чья?
— Душа твоя
на нотах поднебесья.

20.11.19. 50

кран
скрип
кару, каторгу, неба
небо и
скрип
ва вой.
онной, -
арко
рожь
арка
дрожь
и руками
и камень,
страз
стос
лаз
анос
и кара,
гитары.
ест
иль
ест
вазь
пенный,
ешеток!
рок
ок



Русский шансон

У него была
пламенная страсть,
душа обожала
Все ослеплено,

II. Зона



русский мансон

Никогда

Черный ворон, черный день, черный вестник,
в черной мгле чернеет черная вода,
словно не было тебя на белом свете
и не будет никогда, никогда.

Никогда не вспыхнет радуга над полем,
все дороги приведут в никуда,
никогда не стихнет шторм с морем боли,
не вернется белый свет никогда,

никогда не сбросит льда мертвый полюс,
никогда не отвернется беда...

Словно с дальней стороны, близкий голос:
— Никогда не говори «никогда»...

Ничего

Темнота ничего. Густота
пустоты с продолжением криза.
Здесь такие глухие места,
что не слышно ни сверху, ни снизу.

Слева нечто, а справа ничто
и никак. Не обидно, не стыдно.
Взор во мраке расскажет про то,
что ему даже мрака не видно.

Нет ни дальнего, ни своего
в этом странном загадочном месте.
Только сердце шепнет: – Ничего,
ничего, мы пока еще вместе...

Безнадежность, бездушие, безбрежность
мерзлоты на ветру, на краю.
Где искать тебя, теплая нежность,
где ты прячешь улыбку свою?

Беспредела глуха безупречность,
бесконечность ненастья сыра.
Покажись, золотая сердечность,
приоткрой чистый профиль добра.

Бесприютное серое поле
и ветлы поседевшая прядь.
Счастье – даль, ну а доля от воли,
коль изъять своеволя печать.

На безверье особая плата
за беспечную легкость глупца.
Потеряли и свата, и брата,
но, возможно, отыщем Отца.

И в бездарности хмурой минуты –
беспардонный намек камыша:
то не поле в дожде бесприютно –
бесприютна пустая душа.

Свиданка

Сылые лужи перрона,
мокрые шпаги путей.

Черные сполохи зоны

встали в глазах матерей.

Черные сполохи зоны,

черное пламя свечи.

В сердце зажатые стоны

глохнут, кричи не кричи.

Зона встает спозаранку,

хмуро встречает рассвет.

Мать привезла на свиданку

крестик и блок сигарет.

— Мама, не надо стараться,

здесь мне креста не носить,

зона велит не бояться,

зона велит не просить.

В зоне особые меры...

Тихо ответила мать:

— Разве надежду и веру

можно с цепочкой сорвать?

Черные сполохи зоны,

черное пламя в крови

гаснут под вечные звоны

веры, надежды, любви.

Ей ли с бедою не знаясь,

верить и с верою жить,

сердцем за сына бояться,

в церкви за сына просить.

Сылые лужи перрона,

мокрые шпаги путей.

Черные сполохи зоны

бьются в глазах матерей.

Сосед. Из личного архива автора

Я
во-
шла.
Он за-

* * *

К нам однажды вселился сосед, пер дверь
был он прост, но всегда начеку. и спрятал ключ.
К чаю сникерс принес на обед, «Что, сука? Долго
почему бы не выпить чайку? ты надо мной издевать-

* * *

Лютики-цветочки
у меня в садочке,
милая, хорошая,
не дождусь я ночки...
(Русская народная
песня)

ся будешь?» Я смотрела
в его незрячие глаза.

Там, в самой глубине,
плавилась черная смо-
ла, черная смола, че-
рная смола, — черная
лава смолы, красно-
кылакая пасть, с че-
рной-пречерной скалы

в пропасть пропасть?

Пропасть?! Ну нет,

не для того меня мама

рожала. «Отпусти! Я
закричу!» — «Кричи!» — и

он воткнул мне в шею

бритвенно заточенный нож,

но не до конца, а до крови.

Здрав глаза в потолок

и с ножом в глотке, я

стояла смиренно и вни-

мательно слушала пла-

менную речь: «Не дашь

по-хорошему, сука, бу-

дет по-плохому. Но по-

дыхать ты будешь дол-

го. Сначала

я тебе

ножовкой отстебаю все пальцы,
через 10 дней — руки, потом
начну пальцы на ногах...»

Магнитофон на заплыванной тумбочке мотивно выводил
блатняцкую песню, сдержанно именуемую в телевизионных
передачах и на кассетах как русский шансон:

* * *
Братва на воле,
братва на воле,
все мусора
как на дозоре,
и не ищи ты,
всех не поймашь,
братва как ветер,
не угадаешь...

(Образец современного
русского шансона)

Русский шансон

Поп-музыке в поп-унисон,
как поп-попугай на ветке,
куплеты с названьем «шансон»
сегодня поют шансонетки.

Стараются, учатся ботать
по фене, и в стенку стучат,
и строго «работать, работать!» —
статистам кричат сгоряча.

Жмут сроки, и надо башлять,
но вот время клипа настало...
Под это приятственно жрать
капусту и желтое сало.

От автора: на выбор читателя
предлагается иной вариант строфы:

Жмут сроки, и надо платить.
Но вот время клипа настало.
Под это приятно пить
портвейн и закусывать салом.

...Вдруг слышится старый аккорд
среди хит-парадовой дрожи:
«Я помню тот Ванино порт...» –
и сразу мурашки по коже.

Поп-музыка в поп-универсальном
жанре, популярная в советские
годы, известна с детства. «Уж как
закрылся» – название той известной
песни, которую пел в те годы
британский музыкант, автором
которой не до конца известно
Задрава глаза. Музыкальный
стиль с ножом в зубах, яркий
стиль смирно и
материально слушающий
мелкую речь: «Не...»
по-корешему, су...
дет по-плохо...
дышать ты будешь...
го. Сначала
и тебе

Секрет

Не ищи в стараньях откровенья,
не смотри задумчиво в окно, —
не пиши свое произведение,
коль никак не пишется оно.

Музыканты, роботы стальные,
склеившие музыку «на пять», —
в тишине есть звуки неземные,
весь секрет — услышать и напеть.

Рисовальщик с даром выше крыши,
ты не мучай кисти и тетрадь,
есть картинки, созданные свыше,
весь секрет — понять и срисовать.

Коль не расцветает мертвый стебель —
может быть, не стоит и спасать?
Есть стихи, рожденные на небе,
весь секрет — увидеть и списать.

Из личного архива автора

В дверь постучали. Это соседка. «Слышь, у тебя там в духовке что-то горит!» Он не слышал, говорил проникновенно и тихо:

– А после я тебя отсюда в пакетах вынесу и закопаю по всей округе...

*и никто да не узна-а-ет,
где моги-и-лка мо-о-я!*

*(Русская народная
песня сироты)*

– Там у тебя горит! – кричала соседка и била кулаками в стену.

Я сдернулась с финки, как шашлык с шампура, и вышибла собою дверь вместе с косяками и с пером в кармане...

*мы зашли в знакомый ресторан,
там сидела Мурка,
у нее под юбкой
спрятан был заряженный наган.*

*(Классика народного
русского шансона)*

Из личного архива автора

Так
я продала цыганам золотые часы с золотым браслетом и
еще подарок умершего от водки мужа – золотую цепочку с
подвеской чистого бриллианта и за все деньги в сумме
37000 рублей (сумма прописью тридцать семь тысяч руб-
лей) купила «Вальтер-Перфекту» мод. ИБЗ калиб-
ром 0,8 мм лицензия № 0991517 на пра-

Перо

во приобретения, ношения и
хранения оружия от 27 декаб-
ря 2003 года действительна по 27 декаб-
ря 2008 года. Хране-
ние и ношение разреше-
но при условии регист-
рации магазином приоб-
ретенного оружия в дан-
ной лицензии. Нача-
льник ОВД, под-
пись

Закружит юность, как в тумане,
заманит в дивный хоровод,
а при тебе всегда в кармане
фломастер, ручка и блокнот.

Одарит зрелость полной чашей,
но даже в праздник на пикник
на стол обеденный притащит
перо, тетрадь и черновик.

А ты вполне резонно спросишь:
– Зачем? Ни славы, ни гроша, –
и чистоту листа отбросишь,
сломав мечту карандаша.

И поведет тебя на плаху
судьба, как истинный палач,
сорвет последнюю рубаху,
на стыд проверит и на плач,

отнимет все, тоской изложет,
загонит в призрачный шалаш
и перед носом вновь положит
перо, бумагу, карандаш...

Ствол

Пуля дура, я дурей
глупого кастета.

Но в лесу среди зверей
как без пистолета?

Выйдешь вечером гулять —
тюрьмы, вышки, тени...

Как умею я стрелять —
спросишь у мишени.

Крик веселый со двора:

— Глянь, идет как пишет! —

Заскрипела кобура
чутко, еле слышно.

Белый локон, каблучок,

красная помада,

с маникюром кулачок

и — зрачок из ада.

Из личного архива автора

Сосед «влюбился» в другую женщину и расчленил ее ножовкой (подробности по телевидению и в газетах). Во время следствия он сбежал из-под стражи и позвонил в мою дверь.

– Поговорить надо, – сказал он, и я ответила:

– Ща поговорим.

Что? Продолжим наш обед?

И еще от автора:

Я сжимаю пистолет.

Это – не метафора...

Русский язык

Драйвинг, консенсус и шопинг,
порно с жаргоном впритык...
Нынче филологи в шоке:
– Рушится русский язык!

Вторит учитель: – Я б тоже
и причесал, и постриг...
Только в прокрустово ложе
Ляжет ли русский язык?

Русский язык не сломали
ни подхалимство, ни зло.
Перед чужими словами
гнутья ему западло.

Что от стихии убавит
жалкий начальственный взбрык?
Перекует, переплавит
сам себя русский язык,

пережует, перекусит
«фитнес» и «бренд» с «дуюспик»,
если поймет, что невкусно –
выплюнет русский язык!

Снова бессмертно и ново
в колокол бита стучит,
чистое золото слова
чисто по-русски звучит.

Он рванулся бежать, как только лязгнул затвор, а когда пуля поверх его головы с треском улете- ла в разбившееся окно подъезда, он уже кати- лся по ступеням лестницы, теряя пу- говицы и перчатки. «А ты чего тут?» — спросила я соседку в накрученных би- гудях, стоящую на площадке в одной ночной рубашке. «Стреляли», — невозмутимо, как Саид из кинофильма «Белое солнце пустыни», от- ветила она и протянула горячую пустую гильзу. Внизу, словно еще один выстрел, хлопнула дверь подъезда. Волкодавы бежали по следу. Его снова задержа- ли, приговорили народным судом к двенадцати годам заклю- чения с отбыванием наказания в колонии строгого режима, крепкого прижима, где побегом жизни не спасти, рвали его в драке люди и собаки, Господи, помилуй и прости...

Ф - счастливой воли в факт обманчива.
 Х - Добра, доброты твой лепет лозак,
 П - делалась тебе в детстве уряд,
 Ч - чтобы ты в чистоте да в доброту
 Ш - твоя по жданию, себя не теряя.
 Ц - Шел задумал поварен в судовой
 С - кто ждала нечестно чужой
 Ю - Южский Южск подкардит из твоей.
 Я - ел у елика - любимой чашки.

Олигофрения

Скромная, простая,
как в траве дрова,
лучше всяких знает,
сколько дважды два,

вопрошает тонко,
почему нельзя
гвоздиком котенку
ковырять глаза,

бусы любит прятать
в разные места,
а захочет пряник –
вырвет изо рта.

Слова бессмысленны и давно
в дождик беззвучный,
чистое золото слез
часто по-русски звучит.

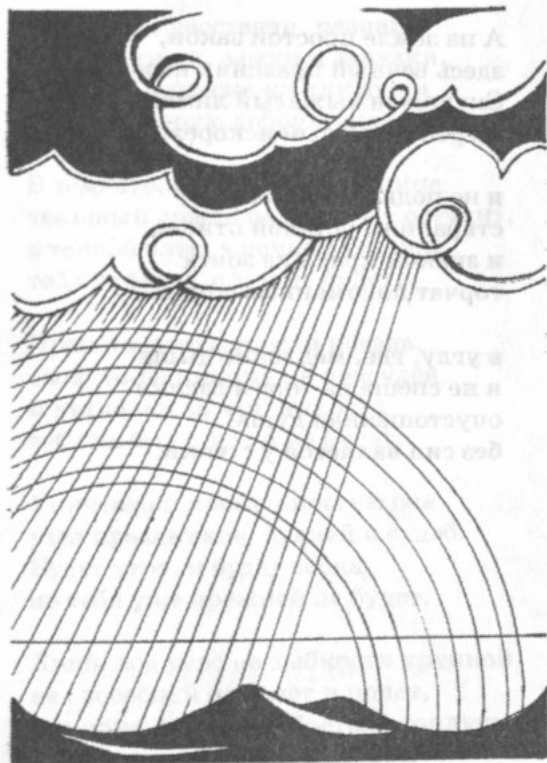
От А до Я

(Акростих)

- А – Ад стирается формулой «да»,
Б – быть земле под капельные звоны.
В – В озерке голубая вода
Г – гасит черные сполохи зоны.
Д – Даже если бывает невмочь,
Е – если долог твой путь до рассвета,
Ж – жизнь – галактики кровная дочь –
З – заряжает любовью и светом.
И – И когда ты стоишь на краю,
К – когда мужество борется с плачем,
Л – ласка солнца в ладошку твою
М – манит золото – солнечный зайчик.
Н – Надо то, что зовется «душа»,
О – отряхнуть, как заблудшую память,
П – приручить, обогреть, отдышать,
Р – разглядеть, отмолить, переплавить.
С – Сквозь тревожные сумерки зон –
Т – тонкий луч. Но где тонко, там рвется.
У – У Вселенной железный закон:
Ф – фатум ночи в фотон обернется.
Х – Храбрый ангел твой лепет ловил,
Ц – целовал тебя в детстве у рая,
Ч – чтобы ты в чистоте и в любви
Ш – шел по жизни, себя не теряя.
Щ – Щит защиты подарен судьбой,
Э – это истины вечное чудо.
Ю – Южный Крест подтвердит за тобой:
Я – «Я у света – любимое чадо».

Я – слабый цветок одуванчик,
 я к сильным готов под сапог,
 я, – взор у духовно незрячих,
 я, – каторжный ветер дорог,
 я, – чин, начиненный лукавством,
 я, – яблоко с гнилью червей,
 я, – пьющий чумное лекарство,
 я, – сон, антрацита черней,
 я, – мнущий косяк папиросы,
 я, – блуд, что красив и речист,
 я, – вкрадчивый почерк доноса,
 я, – белый, но с пятнами лист,
 я, – потная ночь душегуба,
 я, – зоны липучий туман,
 я, – гордости медные трубы,
 я, – ханжества пошлый обман,
 я, – почва, впитавшая стоны,
 я, – черная лава смолы,
 я, – кары вещунья – ворона,
 я, – сплетня с коварством стрелы,
 я, – черное в белой одежде,
 я, – спазм помутневшей души,
 я, – нож, оборвавший надежды,
 я, – страх и угроза в тиши,
 я, – шлюха с продажного ложа,
 я, – ломка и спад в забытьё
 прости меня, Господи Боже,
 прими покаянье мое!

III. Свобода



Опустошения души
процесс мучительный приемлю
как спад с сияющих вершин
из грез и в грязь, с небес на землю.

А на земле простой закон,
здесь вечный праздник невозможен.
Скукожен выжатый лимон
и трон парчовый искорежен,

и не подвластна высота
стараниям усталой птицы,
и знаком краха из зонта
торчат поломанные спицы

в углу, где, медленно дыша
и не спеша на торг и сделки,
опустошенная душа
без сил валяется у стенки.

Отдохни, отпусти, отмахни
от себя все расцветки и звуки,
отведи, отдали, отпихни
сплетни, шорохи, взгляды и руки,

разомкни, расстегни, развяжи
все задвижки, замки и завязки,
вспомни и Расскажи для души
на ночь старую добрую сказку.

В темноте, в пустоте, в вышине
звездный дождь не осудит – остудит,
в теплой вате, в ночной тишине
тебя не было, нет и не будет.

Прошлый груз унесли поезда,
твой закон никому не подсуден,
и нигде, ни за что, никогда
тебя не было, нет и не будет.

Уничтожен крошечностью сна
узел праздников, будней и судеб.
Будет утро, и будет весна,
но тебя уже прежней не будет.

Лишь под утро из зыбкости хрупкой,
не способной на взлет и полет,
сон приснится, как бьется скорлупка
и цыпленок на ножки встает.

Лучи хандный зрак
встают – почему
мы к закату – зачем.
В – встает – почему?
Улыбка – почему?
Поговорки – почему?

Проси

Твоя душа с рассветом
пуста и не поет?
Проси у солнца света,
проси – оно дает.

Проси тепла у печки,
у речки – красоты,
у сердца есть сердечность,
у пропасти – мосты.

Проси прыжка у рыси,
витка у колеса,
проси ума у крысы
и верности у пса.

Особые богатства
везде найдешь всегда:
у братьев меньших братство,
у сопки – высота,

у волка – вера в силы,
у молнии – огонь.
Знай: то, что попросила –
положится в ладонь,

опустится к подножью
твоих путей и дат,
и будет воля Божья
дороже всех наград.

Поговорим?

А тебе снился сон,
как будто ты стоишь
в кольце семи ветров,
в конце пологих крыш,
то ль в небо унесен,
то ль в омут с головой?
Какой ты видел сон?
Поговори со мной.

Есть ночь совсем без сна,
есть ночь молчанья с ней,
есть ночь, когда весна
подснежник прячет в снег,
есть ночь вина с виной
в бокале пустоты.
Поговори со мной,
какую прожил ты?

Кукушка до зари
пророчит путь земной.
Ты с ней не говори,
поговори со мной.
Когда душа в тоске
хоть летом, хоть зимой,
не говори ни с кем —
поговори со мной.

Молчишь? Молчанье — знак
и сердцу, и уму.
Луны холодный зрак
пытает — почему
мы к ложному — лицом,
а к истине — спиной?
Услышь себя, потом
поговори со мной.

Сахалинская сопка

(вид из окна)

Двор пятиэтажки,
серые коробки,
мятые рубашки
сохнут на веревке.

Мусорная свалка,
где объедки ищет
поселковый сталкер –
безработный нищий.

Штору у оконца
ветер загибает...
А вдали под солнцем
сопка голубая!

Никогда не тает
снег ее вершин,
вековые тайны
спят среди лощин.

Кто над этой сопкой
крылья распростер,
кто там между сосен
запалил костер,

кто закаты создал
дивной красоты,
кто зажег все звезды,
вырастил цветы,

золотого сорта
ягоды с орехами?
...Если бы не сопка,
я б давно уехала.

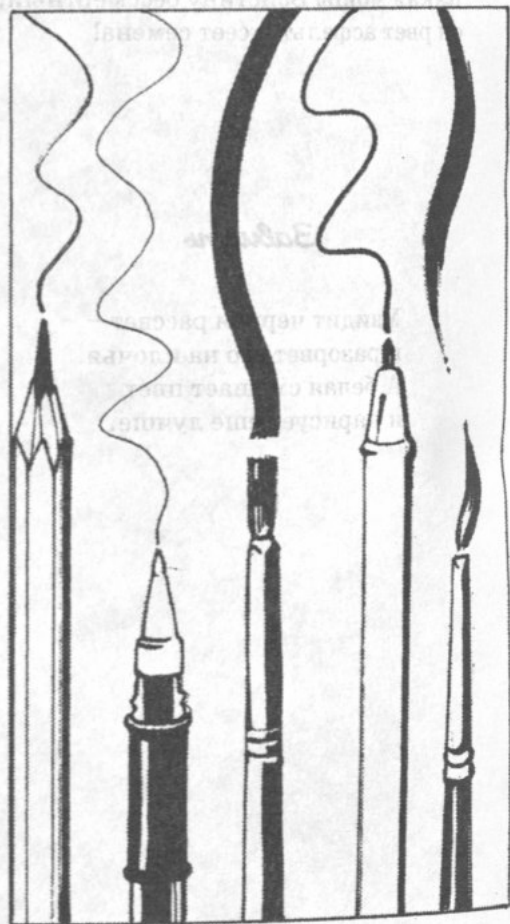
Одуванчик

Какая слабость! Сотканный из света,
пинки ногами он узнал сполна.
Какая мощь! Воистину бессмертный,
он рвет асфальт и сеет семена!

Зависть

Увидит черная рассвет —
и разорвет его на клочья.
А белая смешает цвет
и нарисует еще лучше.

Владимир



Взгляд

Взгляд

Домик дорисую
по дыму из трубы,
оленя и кошулю
по линиям тропы,

тенистую аллею
по тонким черенкам,
березу по поленьям,
кувшин по черенкам,

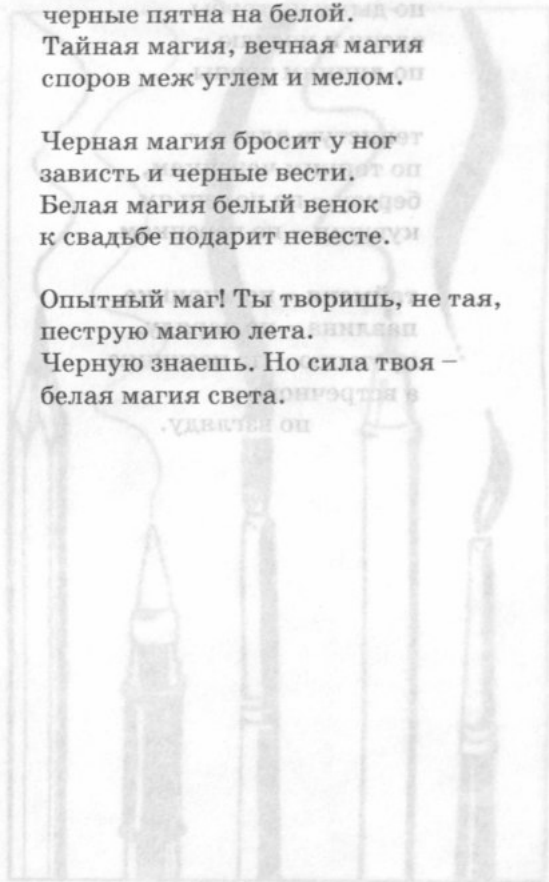
тайменя по икринке,
павлина по наряду,
пустыню по песчинке,
а встречного
по взгляду.

Фотомагия

Белые блики на черной бумаге,
черные пятна на белой.
Тайная магия, вечная магия
споров меж углем и мелом.

Черная магия бросит у ног
зависть и черные вести.
Белая магия белый веночек
к свадьбе подарит невесте.

Опытный маг! Ты творишь, не тая,
пеструю магию лета.
Черную знаешь. Но сила твоя –
белая магия света.



Влад

Ночь

Какая ночь! Какая
горячая весна!
Свой полог опуская,
дрожала тишина.

И зрели в этой ночи
и глубь, и высота,
и не глаза – а очи,
не губы – а уста...

Словно стволы
Словно стволы срублены,
и через белый снег
короче черным рупором
вещает о войне!

29 февраля

Февраль –
форель,
сорвавшаяся с лески:
ни всплеска,
ни улыбки,
ни ухи.

Но завтра я
надену сапоги
и в март войду –
искать слова
для песни.

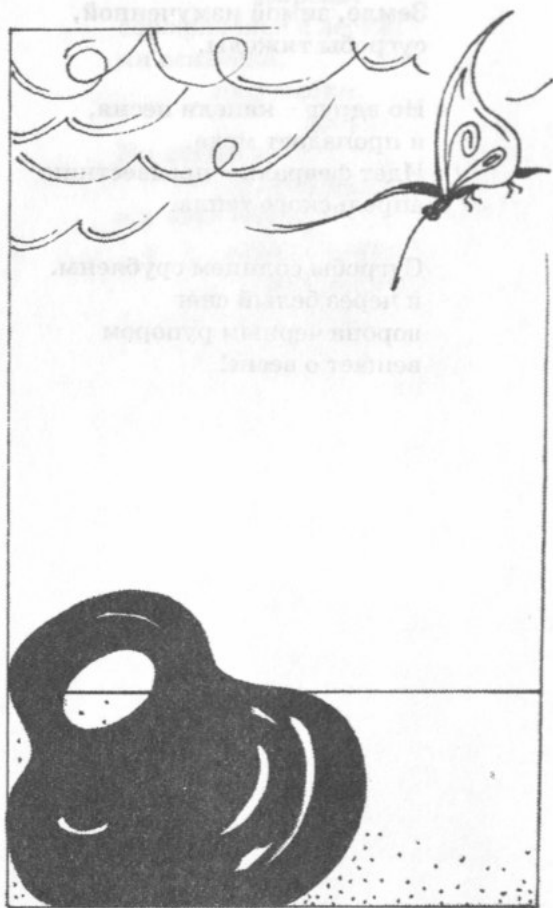
Ворона

Снега, да небо с тучами,
да мертвые стволы.
Земле, зимой измученной,
сугробы тяжелы.

Но вдруг – капли песня,
и пропадает мгла.
Идет февраль – предвестник
апрельского тепла.

Сугробы солнцем срублены,
и через белый снег
ворона черным рупором
вещает о весне!

Ворона и снег



Бабочка и гиря

Бабочка и гиря

Бабочка – хобби ангела –
плавно сошла с небес.
Гиря тихонько ахнула
и потеряла вес.

Финка

Нож с кровавым лезвием,
желобок в середине...
Бабушка нарезала
к ужину селедку.



Бабушка и внучка

Бабы лето

Тяжелее клочья туч,
холоднее росы,
ближе небо, тоньше луч
и дороже розы.

Кто?

Стук. Распахиваю дверь
и гадаю праздно:
кто там – коршун прилетел
или сокол ясный?

Перешел через порог,
за плечами темень.
Кто ты – дьявол или Бог,
ангел или демон?

Что с собою ты принес
из весны в тумане –
три бутона белых роз
или нож в кармане?

Кто ты – тяжкая гроза
или лучик в мае?
Я стою. Смотрю в глаза.
И пока не знаю.

Сюжет

начнется с пальмы
на пляже в январе,
кафе, веранды, спальни
в тропической жаре,

а рядом у экрана
картина из окна:
изба в тисках бурана
да снега пелена.

Минусовая вежа,
студеные места,
любой сюжет — со снега,
как с чистого листа.

Мы

Кто в кольце бытовой суеты
потерял благородство мечты
и разрушил к вершинам мосты?
Это я, это мы, это ты.

Кто в дела воплощает мечты?
Для кого все задачи просты?
Кто не спрячется в страхе в кусты?
Это мы – это я, это ты!

Кто ты – звезда твоей
или лучина в мее?
И стоишь. Смотрю в глаза.
И пока не знаю.

Дверь

Черная и белая
створки у двери,
черная и белая
лестницы внутри.

Черная не спросит,
в черное спихнет.
Белая подбросит,
выпустит в полет.

Даже скрипы стихли
створок у двери.
Ты стоишь на стыке
сажи и белил.

Ни позор, ни слава
не пошлют на бой.
Право влево-вправо —
только за тобой!

Гнездо

Взмах крыла, ветер взлета и вздох
зоны неба, где кроны короны, —
в зоне тополя свили гнездо
зоны черного цвета — вороны.

Воронята несут чепуху
в зоне маминой теплой улыбки.
У них клювики в желтом пуху
и на спинках — пустые скорлупки.

Велити мавице омаи,
иногда у ласово
эмаго ан зинного мт
...иногда и иногда

всегда ни, ласово ии
...иногда ии
— иногда-иногда омаи
Иногда же омаиот



Гнездо

К картине Ч.Рериха

А бывает – надо
черного коня,
чтобы ветер с моря
путал его гриву,
чтобы мчаться берегом
с топотом и криком
и срывать с закатов
лоскуты огня!



Ч.Рерих

Скатерть

Сплели из хлопка полотно,
края обшили гарусом,
и стало скатертью оно,
хотя плели для паруса.

На скатерти – пятно вина,
борщи, супы в три яруса.
Я слышу голос полотна:
– Меня плели для паруса...

Тысячи

Сегодня, хоть убей,
нет тысячи рублей.
Есть тысяча грехов.
Есть тысяча стихов.

За тысячу грехов
мне день и ночь молиться.
За тысячу стихов,
возможно, и простится...

Океан

Серо-голубая глубина
и вдали мерцающая бездна.
Тайна тайн. Разгадка неясна,
искрой промелькнула и исчезла.

Белой шалью дразнится волна,
пенистый ажур вдали колышет,
рвет на клочья там, где глубина
прячется, ворочается, дышит.

Где ты, символ знаков и значков?
И пока вдыхала бриз отлива,
мириады пристальных зрачков
заглянули мне в глаза пытливо,

разглядели точками икры,
распознали мудрым зраком спрута,
развели на правилах игры,
где зеро – то вечность, то минута,

разгадали, поняли до дна,
обо мне им все уже известно.
Мне же недоступна глубина
и непостижима эта бездна.

Люби

В пути коварных ям не перечеть,
в любой судьбе – и взлеты, и паденья.
Люби ее такой, какая есть, –
весну свою и дату дня рожденья.

Забудь обиду зависти и месть,
прости беду и кару небосводу,
люби ее такой, какая есть, –
большую совесть и свою свободу,

родную речь – волнующую смесь
из гроз и рос, где слезы и курьезы,
люби ее такой, какая есть, –
она твоя душа, твоя береза.

Ни спесь, ни лесть не принимай за честь,
великой силой сменится бессилье.
Люби ее такой, какая есть, –
она твоя земля, твоя Россия.

Посмотри в эту звездную бездну,

Нет светлей и чернее нет сплава,
чем душа, каждый знает и сам.
С грешных губ покаянное слово
не напрасно взойдет к небесам.

Пусть отпустятся нам наущения,
фраз лукавых пустое лущение,
перед сильными – хитрая лесть,
а со слабыми – страшная месть.

Не кошмары и не обольщение –
просто искренний шепот в тиши.
Есть у неба закон воскрешения
даже самой пропащей души.

Посмотри в эту звездную бездну –
снова трубы – ты слышишь? – трубят,
снова ангелы – черный и белый –
смертный бой завели за тебя.



Черное и белое

В давних встречах – забвенья зола,
в сладких яблоках – грешная спелость,
но отныне священна земля,
на которой любилось и пелось.

Держись, душа!

Время денег да вещей
да обманных трюков.
Тесно песенной душе
в хоре злобных криков.

Участь сирая сия —
радоваться крохам.
Не боли, душа моя,
все не так уж плохо.

Даже если предал друг —
мстью не спасешься.
Это тоже ведь к добру:
впредь не ошибешься.

Ты прости его, душа,
и легко, и просто,
и отвалится, шурша,
всех обид короста,

ты держись, моя душа,
в зыбком бездорожье
не на милости хлыща,
а на воле Божьей.

В пестром мире бытия,
нищенски одетом,
возликуй, душа моя,
что в ладу со светом!

Цена стиха

Взгляд равнодушно опустив,
лениво ты альбом листаешь.
А знаешь, сколько стоит стих,
который ты сейчас читаешь?

А сколько стоит, чтоб строку
узреть из самой черной бездны,
почем веревка на крюку
в Елабуге у переезда,

и сколько стоит звездный путь
бессонной ночи до рассвета,
почем там цены ржавых пуль,
застрявших в горле у поэта,

и цены лжи, и цены зла,
и почему в миру так рады
спаленным музами дотла
карьерам, выгодам, наградам,

почем у нас бессмертный пир,
где слово плавится со строчкой?
Цена стиха – Созвездье Лир
плюс пять рублей – бумага с ручкой.



Памяти В. Высоцкого

Памяти В. Высоцкого

Проходи, коль зашел,
и гости, не снимая одежды,
не снимая сапог —
в доме холодно, грязь на полу.
Здесь любовь не живет,
улетели отсюда надежды
и от веры остался
последний огарок в углу.

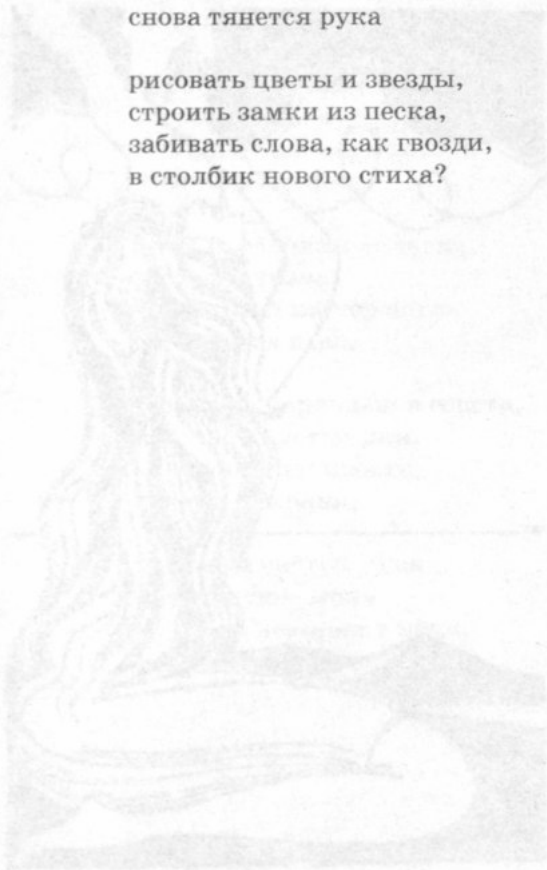
Вот гитара, ты спой,
но пойми: нам сейчас не до песен.
Коль душа не поет —
это, знаешь, совсем не пустяк.
Мы не ввали друг другу,
чужих не читали мы писем,
но упали с коней
и подняться не можем никак.

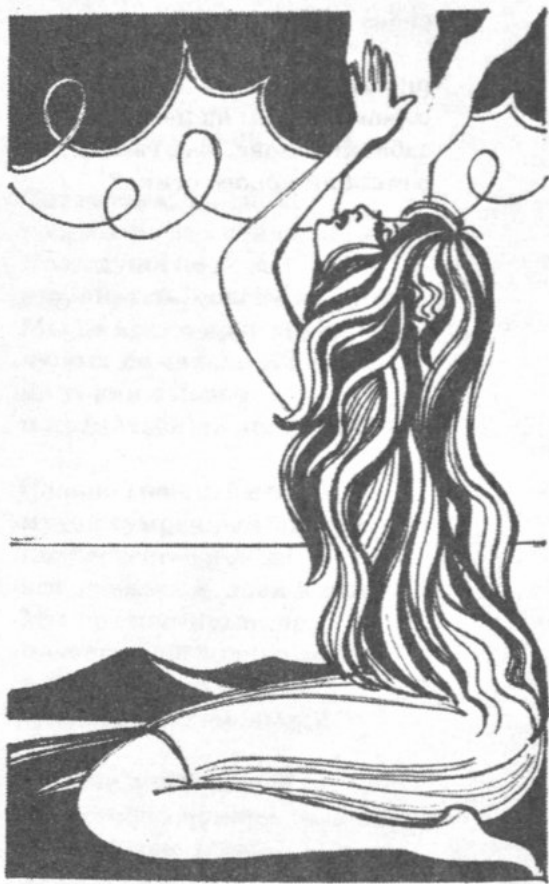
Словно грязный стакан,
мутен сумрачный мир законный,
где бесчестье и ложь
все уверенней, злей и лютей.
Мы не сплетники, нет,
но жестокие волчьи законы
в этом мире гуманнее
хитрых законов людей.

Громче пой и играй!
Ты сегодня нужнее, чем прежде,
и под песню твою,
что звучала в воде и в огне,
мы зажжем в темноте
наш огарок последней надежды
и поднимем стаканы,
и вычистим стекла в окне!

Эти пальцы в легких кольцах
знают тяжесть молотка,
почему ж без всякой пользы
снова тянется рука

рисовать цветы и звезды,
строить замки из песка,
забивать слова, как гвозди,
в столбик нового стиха?





Костер поэзии

Костер поэзии

Не лира, не крылатый конь,
не девица с косой,
поэзия – всегда огонь,
а ты идешь босой.

И твой рассвет, и твой закат
сплавляются в стихи,
и синим пламенем горят
твои черновики,

а в них обломки от весла
и старая трава.
Но догорел костер дотла
и теплится едва.

Ломаешь карандаш в горсти,
влачишь пустые дни,
моля поэзию: прости,
спаси и сохрани,

помилуй чистые лучи
и грешную – меня
до новой искорки в ночи,
до нового огня!

Дар

Славой с гонораром
не жалует Парнас,
работают задаром
музы и Пегас.

Для кручин причины
в этом не нашла:
дар даром получила –
дар даром отдала!

Эпилог

Снег упал на крыши,
воздухом дышу.
– Глянь, идет как пишет!
– Читай, что я пишу!

СОДЕРЖАНИЕ

I. Каторга

Пролог	4
Пожар	5
Материнское напутствие	6
Не смей	7
«Наш российский удел...»	8
Эдем	9
Убийство	10
Каторга	11
«Раздает суровый перст...»	12
«Мы себя все еще не спросили...»	13
Шанс	14
Два дерева	15
Туман	16
Юра	17
Гитара	18

II. Зона

Решетка	21
Никогда	22
Ничего	23
«Безнадежность...»	24
Свиданка	25
Сосед	26
Русский шансон	27
Секрет	29
Из личного архива автора	30
«Так я продала...»	31
Перо	31
Ствол	32
«Сосед «влюбился...»	33
«Что? Продолжим наш обед?...»	33
Русский язык	34
«Он рванулся...»	35
Олигофрения	36
От А до Я	37
Чадло	38

III. Свобода

«Опустошения души...»	40
«Отдохни, отпусти, отмахни...»	41
Проси	42
Поговорим?	43
Сахалинская сопка	44
Одуванчик	45
Зависть	45
Взгляд	47
Фотомагия	48
Ночь	49
29 февраля	50
Ворона	51
Бабочка и гиря	53
Финка	54
Бабье лето	55
Кто?	56
Сюжет	57
Мы	58
Дверь	59
Гнездо	60
К картине Н.Рериха	62
Скатерть	63
Тысячи	64
Океан	65
Люби	66
«Нет светлей и чернее нет сплава...»	67
«Посмотри в эту звездную бездну...»	69
«В давних встречах...»	70
Держись, душа!	71
Цена стиха	72
Памяти В. Высоцкого	74
«Эти пальцы в легких кольцах...»	75
Костер поэзии	77
Дар	78
Эпилог	78

*Тая Немова
(Кочетова Таусия Владимировна)*

ЗОНА

Эскизы в черно-белых тонах

Редактор Н. Тарасов. Корректор В.Корнилова
Верстка Е. Фадеевой. Обложка автора. Фото Е.Чайкина
Сдано в набор 12.01.2004 г. Подписано в печать 31.03.2004 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «SchoolBook С». Бумага офсетная
Печать цифровая. Печ. л. 5,00. Уч.-изд. л. 4,5
Заказ № 24 от 12.01.2004. Тираж 300+50 экз.
Цена свободная

Лицензия № 00666 от 05.01.2000

Сахалинское областное книжное издательство
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
693007, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический пр., 27а
Тел. 42-98-72, 42-98-61

166/66

ЛНБ



[Handwritten signature]



Сахалинское книжное издательство